

7. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2003.

8. Отчет Енисейской губернии экономическому совещанию (1921–1922 гг.). — Красноярск, 1923.

9. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Ч. 2 / Н. С. Романов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994.

10. Собрание узаконений. — 1921. — № 11. — Ст. 75.

11. Спасенные революцией: борьба с беспризорностью в Иркутской губернии и округе (1920–1931 гг.) / под. ред. В. Т. Агалакова, Г. В. Коваль. Иркутск : Гос. архив, 1977.

Информация об авторе

Орлова Ирина Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и социальных наук, Иркутский государственный медицинский университет, 664003, г. Иркутск, ул. Красного восстания, 1, e-mail: irina_orlova7@mail.ru.

Author

Orlova Irina Vyacheslavovna — PhD in History, Associate Professor, Chair of Philosophy and Social Studies, Irkutsk State Medical University, 1, Krasnogo vosstaniya st., Irkutsk, 664003, e-mail: irina_orlova7@mail.ru.

УДК 908
ББК 63.3

E. V. SEVOSTYANOVA

НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ В ДОСУГОВОЙ СФЕРЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Анализируется такая форма досуга и внешкольного просвещения как народные публичные чтения, рассматриваются основные направления правительственной политики и распространенность народных чтений в сельских поселениях Восточной Сибири.

Ключевые слова: народные чтения, культурно-просветительное общество, публичные общедоступные лекции.

E. V. SEVOSTIANOVA

PEOPLE'S LECTURING IN EAST SIBERIAN RURAL POPULATION'S LEISURE SPHERE IN THE LATE XIX — THE BEGINNING XX CENTURIES

The author analyses such form of leisure and extracurricular education as public people's lecturing. Main objectives of governmental policy and incidence of people's lecturing in East Siberian rural settlements.

Keywords: people's lecturing, cultural society, public lectures.

Если вслед за А.В. Зверевым понимать образ жизни как совокупность всех форм жизненной активности личности, социальной группы или общества в целом, детерминированную как собственной природой субъекта, так и внешними по отношению к нему условиями и факторами его жизни, то проведение досуга является частью образа жизни [15, с. 18]. В пореформенный период в условиях модернизации происходит серьезная трансформация системы ценностей и норм поведения, меняющая традиционный образ жизни крестьян. В сельские поселения проникают элементы городской досуговой культуры — народные чтения, публичные лекции, спектакли, библиотеки-читальни. Растет число сельской интеллигенции, прежде всего учителей.

Народные чтения — публичные чтения уже напечатанных книг и брошюр — как форма внешкольной просветительной деятельности впервые возникли не в России, а в Европе, где быстро получили популярность, но еще быстрее уступили первенство лекциям. В России инициатива проведения народных чтений принадлежала комитетам грамотности при Императорском Вольном экономическом обществе, и при Императорском Московском обществе сельского хозяйства. Последний пропагандировал пользу грамотности и сельских библиотек, особенно среди крестьян, активно обсуждал вопросы народного образования.

Первые публичные литературные чтения в России (рассчитанные на узкий круг интеллигентной публики) были разрешены в Санкт-Петербурге в 1862 г. В 1863 г. в докладе генерал-адъютанта князя Долгорукова было указано на полезность их организации в других городах, после чего министр МНП затребовал отзывы попечителей учебных округов. Ответ был получен и от Главного Управления Восточной Сибири, согласившегося с тем, чтобы разрешение на чтения давал губернатор, а в «сомнительных случаях» — ГУВС. В 1863 г. в Иркутске активным организатором двух литературных чтений был Б.А. Милютин [3, л. 1].

В Восточной Сибири впервые инициативу проведения народных чтений среди прочих просветительных мероприятий (в том числе и в сельских поселениях) высказали в 1864 г. авторы проекта «Общества грамотности Восточной Сибири» — Б.А. Милютин, И. Попов и И.Н. Пилленков. Однако проект создания общества не был утвержден, поскольку предполагал «слишком широкий состав, права, преимущества и круг действий, а также широкую независимость» [4, л. 7, 14]. В 1873 г. было принято постановление, согласно которому уставы обществ, имеющих целью устраивать публичные народные чтения, должны были утверждаться не иначе как через комитет министров.

Первые чтения, рассчитанные на широкую народную аудиторию, стали проводиться в Санкт-Петербурге с 1872 г., с целью нравственного воспитания и отвлечения от пьянства. Наконец в 1876 г. были утверждены «Правила устройства народных чтений», действовавшие только в губерн-

ских городах, согласно которым процедура формального разрешения чтений была сложной и многоступенчатой, и требовала обязательного согласования в трех ведомствах — МНП, МВД и Синоде. Обязательным было удостоверение в благонадежности каждого из чтецов, а также отдельное утверждение каждой предназначенной для прочтения брошюры.

Чтецами могли быть преподаватели, духовные лица или те, чья благонадежность не вызвала сомнений. В качестве наблюдателей могли выступать представители учебного или епархиального ведомства (наблюдатель мог быть и чтецом). О народных чтениях в уездных городах и сельских поселениях Правила 1876 г. не упоминали вовсе, и это умолчание истолковывалось администрацией как их полное запрещение. Хотя в «Правилах 1888 г. об уездных отделениях епархиальных училищных советов» содержалось упоминание о возможности устройства чтений в негородских поселениях, но в этом случае обязательным было соблюдение нескольких условий: присутствие на чтениях священнослужителя с целью руководства и непосредственного наблюдения, проведение чтений в школьных помещениях, обязательное согласие епархиальных архиереев [23, с. 680].

В последней трети XIX в. организованный характер приобрела борьба с алкоголизмом, которая стала одним из направлений государственной политики и стимулировала возврат к идее организации народных чтений [19, с. 67]. В 1894 г. при МНП было проведено особое совещание представителей МВД, Синода и Министерства земледелия и государственных имуществ для обсуждения «общественного содействия развитию народного образования». Как отмечалось в секретном циркуляре иркутскому губернатору, основной целью совещания было «усиление правительственного воздействия на народную массу, ввиду ее правильного воспитания», провозглашались и вполне утилитарные цели — научить народ проводить время вне питейных заведений [5, л. 19].

После учреждения Попечительств о народной трезвости, были приняты общие правила устройства народных чтений «во всех местностях империи», однако закон устанавливал множество формальных трудностей. Устройство чтений в уездных городах и селениях разрешалось министром МНП, каждый раз по предварительному согласованию с министром МВД и Синодом. Ответственность несли местное епархиальное и учебное ведомство, они же выступали в качестве непосредственных наблюдателей. Процедура получения разрешения занимала иногда по два-три года.

Ярким примером бюрократической волокиты является попытка учреждения чтений на приисках Даурской золотопромышленной компании в Забайкалье в 1894 г. Потребовалась двухлетняя переписка с МНП, МВД, Синодом и даже Комитетом министров, не смотря на то, что к ходатайству присоединились военный губернатор, забайкальский епископ и съезд золотопромышленников [6, л. 36, 42].

В таком правовом поле организация чтений в селениях Восточной Сибири носила единичный характер: зависела как от наличия и настойчивости организатора (чаще всего ими были учителя), так и от епархиального начальства и согласия местных священников, которые нередко относились к чтениям как к лишней обузе. Так, в с. Богучанское Енисейского округа в 1894 г. инициатору — учителю — предложили дожидаться приезда священника. Однако когда приехал священник, учителя из села уже перевели, а прибывший на его место начинания предшественника не поддержал [11, л. 4].

Отказать епархиальное начальство могло (часто без пояснения причины) и при наличии священника и его согласии. Так, в с. Большое Уринское Канского уезда Енисейской губернии в 1899 г. крестьяне просили уездное отделение епархиального училищного совета разрешить «праздник народных чтений», аргументируя тем, что в селе нет никаких разумных развлечений. Жители селения в ожидании разрешения успели приобрести «волшебный фонарь и световые картины» (проектор и диапозитивы), но длительная переписка закончилась немотивированным отказом. В то же время в с. Рыбинское Канского уезда срок утверждения ходатайства, поданного через крестьянского начальника, был относительно коротким — менее года. В Енисейской губернии были примеры, когда инициаторы сначала устраивали чтение «для пробы», а затем ходатайствовали о разрешении, например, в с. Усть-тунгусское Енисейского уезда в 1895 г. В губернии в 1897 г. чтения религиозного характера более-менее регулярно проводились при 12 школах, только при школе с. Чистоостровское тематикой чтений было сельское хозяйство, история, «бытовые темы» [12].

Отношение со стороны населения можно проследить по материалам печати, сообщавшей о первых примерах организации народных чтений в селах Восточной Сибири [13]. Поначалу чтения привлекали не только местных жителей, но и посещались жителями соседних деревень. Однако часто количество слушателей постепенно уменьшалось. Так, в с. Усолье Иркутского уезда первые чтения (зимой 1897–1898 гг.) посещали более 50 человек, однако «к пятнадцатому чтению их количество уменьшилось до нуля». Хотя причины падения интереса, вероятно, различались, но представляется возможным на основе корреспонденций с мест выделить общие: недоброкачество материала для чтения — «зачастую чтения для взрослых проводились так, словно были рассчитаны на детский возраст»; слишком большая продолжительность — иногда по 2–3 часа; отсутствие «волшебного фонаря» или плохое качество диапозитивов. Среди причин корреспонденты называли и «непривычку крестьян к подобной форме досуга».

Представляется, что основной причиной снижения интереса сельских жителей было и несоответствие тематики чтений потребностям

населения. Однако в выборе тематики организаторы были ограничены законодательно. Согласно циркуляру МНП, можно было читать только сочинения перечисленные в специальном каталоге, причем читать строго по тексту, любые отступления и комментарии запрещались. Список книг для прочтения определялся постоянной «Комиссией по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге и его окрестностях» и рассылался по всей стране. Каталог, изданный впервые в 1876 г., включал 108 книг и иногда пересматривался и пополнялся. В 1890 г. в нем было 148 названий, но, по мнению иркутских устроителей чтений, пригодных книжек было не более 50 [20, с. 14]. Книги, в основном, были детские, либо бедные в художественном отношении брошюры «с элементом поучительности». В 1894 г. в каталог было добавлено еще 88 книг.

Непременными темами народных чтений были христианство и русская история: «Жизнь Божьей Матери», «Жизнь святого Николая Чудотворца», «Первые века христианства и распространение его на Руси», «Куликовская битва», «Смутное время на Руси» и т.д. Были допущены и художественные произведения: «Капитанская дочь» А.С. Пушкина и др. Однако многие произведения были сокращены или «приспособлены для чтения в народной аудитории» — например, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя. Были представлены и книги познавательного характера: «Как еда питает наше тело», «Отчего происходят дождь и снег» [16, с. 156, 177].

В целом, по каталогам МНП до 40% книг составляли издания по истории и географии; 25% — литература духовного содержания; 10% — брошюры по естествознанию, остальные 25% приходились на беллетристику. Каталоги перерабатывались, но тенденция сохранялась [21, с. 16].

В Европейской России организацией народных чтений занимались земства, они же ходатайствовали об упрощении процедуры разрешения. После ряда отказов правительство в 1901 г. было вынуждено уступить. Затем циркуляр МНП от 23 ноября 1905 г. еще упростил получение разрешений. Теперь («до выработки новых правил о порядке разрешения чтений применительно к Манифесту 17 октября»), МНП признало возможным передать дирекции народных училищ право утверждения, как самих чтений, так и материала для них. Директор мог передать свои полномочия избранному им лицу, либо самим устроителям.

В начале XX в. прослеживается заинтересованность в развитии народных чтений разных ведомств: МВД — для ведения санитарно-просветительной работы, в целях предупреждения инфекционных заболеваний; Министерства государственных имуществ и Главного управления землеустройства и земледелия — для распространения агрономических знаний; Министерства финансов — для пропаганды народной трезвости; Синода — с целью распространения основных понятий вероучения и священной истории. В 1904 г. МНП сообщило, что признает желательным организацию научно-популярных чтений [10, л. 66].

Нередко сельская интеллигенция обращалась к культурно-просветительным обществам городов за помощью. Впервые в Восточной Сибири оказывать помощь в устройстве сельских чтений стало Красноярское Общество попечения о начальном образовании, начав с высылки «световых картин». По отчету, опубликованному в газете «Енисей», мастерская Общества приготовила 35 картин для школы с. Рыбинское Канского уезда, 25 — для Спасской школы. В Забайкалье высылкой картин занималось Читинское Общество народного дома. При Иркутском Обществе распространения народного образования и народных развлечений (ОРНО и НР) в 1901 г. был организован комитет по устройству народных чтений в уездах, выславший диапозитивы, фонари, литературу.

Иркутское Общество народных чтений взяло на себя попечение о народных чтениях в селах Балаганского уезда (Кутулик, Залари). В течение 1909 г. Общество выслало диапозитивы в 9 сел. «Волшебный фонарь» (проектор) был отправлен в Слюдянку и в с. Голуметь. В 1910 г. Общество помогло в организации кружка по устройству бесплатных народных чтений на ст. Иннокентьевская в пригороде Иркутска. За первый год здесь состоялось 32 чтения, которые посетило более 9 тыс. слушателей. Ходатайствовало Общество и об организации по губернии подкомиссий народных чтений, но безуспешно [7, л. 35; 8]. Тогда в 1911 г. Общество обратилось к сельским учителям с целью привлечь их к устройству чтений, с обещанием оказать всяческое содействие.

В отчете Общества отмечалось, что наибольшим спросом у сельских жителей пользовались чтения беллетристики, книг по географии и истории. Хотя представляется, что выбор определялся не столько желанием сельских чтецов, сколько тем, что именно эти темы были основными в министерских каталогах, которые с 1907 г. вновь контролировались МНП, в противоречие закону о допустимости всего, что не запрещено общей цензурой. Теперь комитет завел новый список «дозволенного по преимуществу», и обращал внимание «простое» или «особое». Поскольку разрешения на организацию чтений давала местная власть, то теперь уже от нее зависело, обращать ли внимание на рекомендации МНП. На это решение влияла и боязнь «как бы чего не вышло» и, несомненно, личные качества представителя учебного ведомства. О том, что директора народных училищ не желали либо опасались брать на себя ответственность за тематику чтений, свидетельствуют многочисленные запросы директоров в МНП о том, «чем нужно руководствоваться при разрешении народных чтений» [18, л. 1, л. 79].

В селениях Восточной Сибири, как и в России в целом, в начале XX в. содержание многих чтений определялось прямыми циркулярами. В 1913 г. МВД разослало циркуляр с обращением к губернаторам «принять все зависящие от них меры» для распространения среди сельского населения сведений о газете «Сельский вестник», журнале «Родная

страна», «Журнале земледельца», которые рекомендовалось выписать в народные библиотеки, школы и учреждения [14, л. 2]. К 300-летию дома Романовых готовились юбилейные издания, и МВД просило о распространении каталога этих изданий. Для народа читались отрывки из юбилейных изданий: «Россия под скипетром Романовым», «Подвиг Ивана Сусанина».

В начале XX в. на начало организации чтений влиял и пример их проведения в соседних селах. Так в 1909 г. жители улуса Зоны Балаганского уезда, часто посещавшие чтения в с. Кутулик, предложили учителю организовать такие и в их селе [24]. В 1914 г. в Иркутское Общество сельского хозяйства из 18 сел поступили заявления с просьбой организовать чтения.

Однако в целом народные чтения медленно проникали в досуговую сферу сельских жителей. В 1907 г. в Енисейской губернии чтения по воскресным дням проводили при 14 училищах, в Забайкалье — при 13; в Иркутской губернии — при 34 (в Томской губернии чтения за этот период устраивались при 114 училищах). В 1915 г. в Забайкалье чтения проводились только при 32 школах из 275 [22, с. 108].

Наибольший интерес у крестьян вызывали чтения утилитарного характера (по различным вопросам сельскохозяйственной практики), чтение периодики, с началом Первой мировой войны — информационные чтения. В 1914 г. в с. Кульское Верхнеудинского уезда в программу предлагалось включить чтение газет «Забайкальскую новь» и «Сибирь»; в с. Кабанское — чтения о сельском хозяйстве и кооперации.

В 1916 г. МНП утвердило список из 104 книг и брошюр, признанных пригодными для народных чтений «по вопросам, имеющим отношение к переживаемым событиям военного времени». В целом все издания можно разделить на четыре группы: рассказывающие об иностранных государствах (Германия, Египет, Турция и т.д.); повествующие о российской истории («Патриарх Гермоген. Исторический очерк смутного времени» Е. Волковой); освещающие события театра военных действий («Австро-сербский фронт войны»); художественные произведения патристической направленности («Песни и стихи о войне» Копыткина). Во время войны безусловное одобрение получали чтения антиалкогольного характера. В октябре 1916 г. типичная программа чтений в Бушулейском начальном училище Забайкалья включала в себя: ознакомление с ходом военных действий по газетам «Забайкальская Новь» и «Русское слово»; сведения об иностранных воюющих государствах; чтение книг по истории и географии России.

Стоит отметить, что в начале XX в. в больших селах с крупной прослойкой неземледельческого населения представителями городских культурно-просветительных обществ или представителями сельской интеллигенции кроме чтений устраиваются эпизодические лекции.

Однако получить разрешение на прочтение лекции было гораздо сложнее, чем на проведение чтений: нужно было предоставить полный текст лекции, согласовать время проведения с полицией, которая проверяла и благонадежность лектора. Мотивы отказа могли быть самыми разными. Когда в 1908 г. Минусинское Общество попечения о начальном образовании, совместно с Обществом сельского хозяйства решили организовать совместный цикл лекций по сельскому хозяйству, исправник запретил, мотивируя тем, что «крестьяне больше лектора знают о почве, так как всю жизнь в земле роются». В 1916 г. Черемховское Образовательное общество ходатайствовало о разрешении прочитать курс лекций по вопросам сельского хозяйства ссыльнопоселенцу М.Г. Бочарникову, но получило отказ, в силу неблагонадежности лектора. Деятельность Общества особо контролировалась властью, поскольку председателем в 1910 г. был эсер Н. Аксаментов, под надзором полиции состоял и библиотекарь Н. Янчевский [8, л. 16].

В 1900 г. в с. Тулун Нижнеудинского уезда Иркутской губернии был организован кружок из узких специалистов (врач К.А. Михайлов, инженер путей сообщения Д.К. Ньюберг) и учителей, с целью прочесть курс лекций по ботанике, истории, физике, гигиене и зоологии. За содействием в получении разрешения инициаторы обратились к иркутскому «Обществу распространения народного образования и народных развлечений», которое отправило ходатайство попечителю учебного округа. Однако в течение года разрешение не было получено, а в 1901 г. некоторые из лекторов оставили Тулун. Продолжение лекционной деятельности было связано с деятельностью Тулуновского отдела Общества изучения Сибири, который устроил в 1913 г. две пробных лекции: «О кооперации» (прочитана инспектором мелкого кредита Иркутского отделения Государственного банка) и «О кормах» (агронома Писарева) [9, л. 74, 30, 2].

Хотя некоторые культурно-просветительные общества городов Восточной Сибири не исключали возможность помощи сельским организаторам лекций, и даже намечали в перспективе организацию выездных лекций, однако не имели для этого ни достаточной материальной базы, ни достаточного опыта. Первые лекции иркутского «Общества общедоступных курсов» состоялись в 1910 г. в с. Черемхово. Лекторами, посетившими село, были К. Егоров («Лед в природе и ледниковый период») и А. Кутас («Арктические страны»). По замечанию корреспондента газеты «Голос Сибири» большого интереса лекции не вызвали — «первая была чересчур сжата по форме в ущерб предмету лекции, а вторая, напротив, растянута и носила характер урока географии».

Крайнюю необходимость и полезность чтений отмечали респонденты, отвечавшие на анкету Енисейского акцизного управления, указав, что чтения могут стать и средством просвещения, и формой проведения досуга, особенно при отсутствии в деревне «разумных» развлечений

[17, с. 30]. В селах проявилась и инициатива организации культурно-просветительных обществ, у которых частью программы деятельности была «правильная постановка» народных чтений. Только в Иркутской губернии проведение систематических чтений и лекций намечали Образовательное общество с. Черемхово; Сельскохозяйственное общество с. Тугутуй; Бельское сельскохозяйственное общество; Отделение Иркутского Общества народных чтений в с. Залари; филиал Иркутского общества «Просвещение» в с. Кутулик; Общество содействия физическому развитию и устройству культурно-просветительных учреждений с. Тайшет; Отдел Общества изучения Сибири и улучшения ее быта с. Братск, с. Тулун; Общество сельского хозяйства с. Урик. А жители с. Аларь Балаганского уезда Иркутской губернии подали ходатайство об организации Общества народных чтений и развлечений, районом действия которого были намечены три волости.

Основываясь на материалах периодической печати, отчетах городских культурно-просветительных обществ, прошениях сельских сходов, ходатайствах учителей можно определить, что вкладывали представители провинциальной интеллигенции в понятие «правильная постановка» чтений. Это наличие системы и связи с другими формами просветительной работы (например, продажа книг после чтений); разделение чтений на детские и взрослые; введение научно-популярных и практических лекций и чтений (по сельскому хозяйству, гигиене, чтение периодики); изучение запросов и потребностей слушателей.

Отметим, что видные деятели и теоретики российского внешкольного просвещения — Н.В. Чехов, А.С. Пругавин, Е.Н. Медынский, В.П. Вахтеров — оценивали народные чтения высоко. Считали, что они имели ряд несомненных преимуществ перед другими формами просвещения: во-первых, незначительные финансовые и временные расходы. Во-вторых, возможность приобщить к получению знаний неграмотную аудиторию, а грамотных «подготовить к пользованию библиотекой, музеем». В-третьих, возможность подбирать материал «сообразно возрасту, развитию, образовательному уровню» слушателей [23, с. 178]. Советские же историки считали, что никакой пользы чтения не имели.

Таким образом, в досуговой сфере сельского населения Восточной Сибири народные чтения появились в последнем пятилетии XIX в., но стали приобретать массовую популярность только накануне и в период Первой мировой войны. Если первоначально интерес к ним имел эпизодический и ситуативный характер (любопытство, авторитет учителя, наличие музыкального номера), то в период военных действий мотивация приобрела устойчивый характер. Представляется, что при наличии индивидуальной мотивации существовала и универсальная — полезность того или иного культурного новшества. Если в конце XIX в. полезность народных чтений не всегда была очевидной для сельских слушателей, что препятствовало

(помимо отсутствия активных организаторов и бюрократической волокиты) их широкому распространению, то в начале XX в. преобладание практической направленности народных чтений повлияло на увеличение их популярности. Если первоначально инициатором проведения чтений выступила власть, то в начале века инициатива их проведения окончательно перешла к учителям и культурно-просветительным обществам.

Список использованной литературы и источников

1. Восточное обозрение. — 1895 — 23 апр., 11 янв.; 1898. — 2 дек., 11 февр.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 63. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 182; Журнал МНП. — 1862. — № 3.
4. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 193.
5. ГАИО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 229.
6. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 12.
7. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 17; Д. 6; Д. 15. Л. 37; Д. 19; Ф. 249. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.
8. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 539.
9. ГАИО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1. Д. 2. Л. 30 об.; Д. 13.
10. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 91; Д. 110.
11. Енисей. — 1895. — 13 дек.
12. Енисей. — 1897. — 1 июня.
13. Енисей. — 1895. — 5 мая, 3 февр.; 1897. — 28 марта; 1898. — 8 июля.
14. Забайкальские областные ведомости. — 1913. — 16 янв.
15. Зверев В. А. Образ жизни сельского населения Сибири в начальный период модернизации общества: проблемы исследования / В. А. Зверев // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. — Ч. I. — Омск : ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2004. — С. 18–19.
16. Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства МНП и для публичных народных чтений. — СПб., 1899.
17. Как отразилось запрещение продажи крепких напитков на жизни населения Енисейской губернии. — Красноярск, 1916.
18. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 211. Оп. 1. Д. 214. Л. 79; ГАЧО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.
19. Николаев А. В. Антиалкогольные кампании XX в. в России / А. В. Николаев // Вопросы истории. — 2008. — № 11. — С. 65–71.
20. Отчет по устройству бесплатных народных чтений в г. Иркутске с января 1893 г. по май 1897 г. — Иркутск, 1898.
21. Оглезнева Г. В. Правительственная политика и общественная инициатива в сфере культуры Восточной Сибири в начале XX в. / Г. В. Оглезнева, Е. В. Севостьянова // Проблемы истории науки и образования в Восточной Сибири. — Иркутск : Иркут. ун-т, 1996. — С. 16–18.
22. Отчет о школах МНП Забайкальской области, подведомственных дирекции народных училищ за 1915 г. — Чита, 1917.
23. Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию / А. С. Пругавин. — Изд. 2. — СПб. : Тов. «Общественная польза», 1904.
24. Сибирь. — 1909. — 1 марта.

Информация об авторе

Севостьянова Елена Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и политологии, Читинский институт Байкальского университета экономики и права, 672000. Чита, ул. Анохина, 59, e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru.

Author

Sevostianova Elena Vasilievna — PhD in History, Associate Professor, Chair of History and Political Science, Chita Institute of Baikal State University of Economic and Law, 59, Anohin st., Chita, 672000, e-mail: sevostyanova.elena@mail.ru.

ББК 86.3(2P)г+63.3(2)52-28
УДК 2(47)(091)+323.325(47)(091)

Н.А. ТАБОЛЕНКО

**РЕЛИГИОЗНОСТЬ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
И ОЖИДАНИЯ ВЛАСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРЬ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.**

В статье рассматривается отношение власти и официальной церкви к проблеме религиозности русского крестьянства в связи с аграрной колонизацией Сибири в начале XX в. Автор делает вывод о противоречии между религиозной политикой властей и запросами крестьянства в условиях модернизации российского общества.

Ключевые слова: крестьянство, переселенцы, Сибирь, русская православная церковь, религия, религиозность.

N.A. TABOLENKO

**RELIGIOUSNESS OF RUSSIAN PEASANTRY
AND EXPECTATIONS OF AUTHORITIES IN RESPECT
OF MIGRATION MOVEMENT TO SIBERIA
AT THE TURN OF THE 20th CENTURY**

The article considers an issue of governmental and state church's approach to a problem of Russian peasantry's religiousness in the context of agrarian colonization of Siberia at the turn of 20th century. The author draws a conclusion that religious politics of the state haven't met needs of the peasantry under conditions of modernization of Russian society.

Keywords: peasantry, settlers, Siberia, the Russian Orthodox Church, religion, religiousness.

Правительственный интерес к крестьянской колонизации Сибири в конце XIX — начале XX вв. вскрыл ряд неотложных проблем, от успеха в решении которых, как представлялось имперским властям, зависел благополучный исход всей кампании. Вопрос заключался не только в меха-